

АЛЕКСЕЙ СКОМОРОХОВ

Оправдание морали как проблема этики Иммануила Канта

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-107-124>

Alexey Skomorokhov

Justification of Morality as a Problem of the Kantian Ethics

Alexey Skomorokhov — Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). alskom2@mail.ru

This article deals with the problem of morality in the ethical system of Kant and historical transformation of his ethical ideas. At the first stage, we show the prerequisites of the problem. At the second stage, we explore the place of this problem in Kant's ethical system and the method of solving it. Kant's assertion of religious postulates is thought of as a specific way of justifying morality. At the third stage, we propose a reconstruction of the historical fate of the doctrine of postulates, in particular, its refraction in the thought of Nietzsche and Dostoevsky. The analysis allows to establish the significance of religious postulates as a necessary part of Kant's ethical system that protects morality from devaluation; and to reconstruct the logic of the transition from Kant's ethical system to the ideas of Nietzsche and Dostoevsky. Kantian religious postulates, on the one hand, ensure the unity and integrity of moral experience, but, on the other hand, they contradict to the logic of the modern thinking. The transition from Kant's ethical absolutism to the radical doubt in morality in the thought of Dostoevsky and Nietzsche seem to have been inevitable. The author concludes that the solution of problem of the justification of morality cannot be found within the framework of the modern philosophical thought.

Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен зла: от метафизики к теориям морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00441.

Keywords: Kant, Nietzsche, Dostoevsky, morality, justification of morality, paradoxes of morality, postulates of practical reason, good, evil, nihilism, ethical absolutism.

Введение

ФЕНОМЕН морали определяют необходимые и неизбежные противоречия: антагонизм и сопряженность добра и зла, несвобода сковывающей себя законом свободной воли, невозможность последовательной критики морали¹. Появление противоречий видится неизбежным, так как мораль неуловима для понятийного мышления. Иными словами, моральный опыт — опыт приближения к постоянно удаляющейся цели (совершенству) — не поддается концептуализации.

Одна из центральных проблем морали связана с сопряженностью добра и зла. С одной стороны, требования морали направлены на разрешение противоречия между идеальным и реальным, должным и сущим². С другой стороны, требования морали, отражая антагонизмы действительности, закрепляют это противоречие³. На то, что разлад принадлежит существу морали, указывают ее категориальная (оппозиция «добро-зло») и нормативная (закрепление порока посредством его запрета) структуры.

Как следствие, в истории этики неоднократно высказывались сомнения в *моральности морали*⁴. Лейтмотив сомнений: добро рождается вместе с различием добра и зла. Оно не ведет к совершенству, не «спасает мир»: его борьба со злом уходит в дурную бесконечность. Вместе с сомнениями в морали рождался также вопрос: возможно ли оправдать мораль (различение добра и зла) перед моральным сознанием (устремленным к полноте добра)?

1. См. об этом: Гусейнов А. А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. С. 28.
2. Апресян Р. Г. Нормативная регуляция поведения // Человек. 2019. Т. № 1. С. 5.
3. См. комментарий Льва Шестова к известным словам ап. Павла: «Закон... пришел, чтобы умножилось преступление» — не было бы законов, не было бы преступлений». См.: Шестов Л. Сыновья и пасынки времени. Исторический жребий Спинозы // Бенедикт Спиноза: pro et contra / Вступ. статья, сост., коммент. А. Д. Майданского. СПб.: РХГА, 2012. С. 476.
4. См. об этом: Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С. 33.

В данной статье мы рассмотрим этот вопрос в проекции на этику Иммануила Канта. Нас, в частности, будет интересовать:

а) каковы условия и предпосылки проблемы оправдания морали?

б) как решается проблема оправдания морали в этике Канта?

в) какова историческая судьба предложенного Кантом решения?

Оправдание морали как этическая проблема: условие и предпосылки

В референтной Канту традиции мораль мыслится как абсолют — начало, делающее возможным бытие человека как поступающего индивида и задающее пространство человечности. Утверждается, что а) мораль, будучи предельным основанием человеческого бытия, не подотчетна познающему разуму, религии, здравому смыслу, б) последовательный моральный нигилизм невозможен⁵.

Как следствие, проблема оправдания морали исключается из рассмотрения. Предполагается, что все формы человеческой деятельности нуждаются в оправдании — сама же мораль, как начало всех возможных форм, в оправдании не нуждается.

Традиция морального абсолютизма обладает бесспорной онтологической глубиной. Однако приоритет морали перед познающим разумом (религией и пр.), на наш взгляд, еще не означает неподсудность морали.

Всякий абсолют подлежит моральному суду: может быть принят или отвергнут. В религиозной мысли моральное сознание судит Бога за зло, существующее в мире. В ряде течений светской философии (в частности в автономной этике Канта) место абсолюта занимает мораль. И не может избежать суда за зло, существующее в мире, — поскольку само различение добра и зла закрепляет зло.

Можно выделить одно условие и две предпосылки проблемы оправдания морали.

Условие. Возможность непротиворечивого морального суда над моралью предполагает существенное расхождение в морали. На возможность такого расхождения предварительно указывает

5. Аленка Зупанчич замечает: «Если оппозиция моральному закону возведена до максимы или принципа, то она перестает быть оппозицией моральному закону — она становится самым моральным законом». См.: Zupancic, A. (2003) "The Subject of the Law", in S. Žižek (ed.) *Jacques Lacan: Critical Evaluations*. Vol. II, p. 77. L.: Routledge.

замечание Бориса Капустина о двух типах этического рассуждения — в перспективе индивида и с позиции чистой философии морали⁶. Или, иначе говоря, с точек зрения бытия морали (самого морального сознания) и мышления о морали (науки морали), соответственно.

Предложенное различение значимо, поскольку взгляд на мораль из двух дополнительных перспектив обнаруживает нецелостность ее образа. В частности, оказывается, что два голоса — морального сознания и «науки морали» — не сливаются в единое целое. Тем самым задаются две сопряженные предпосылки обсуждаемой проблемы.

1. Переживание проблемы зла

Расхождение двух образов морали выводится на свет при рассмотрении вопроса о зле. *Моральное сознание* жаждет абсолютного поворота воли к добру — *наука морали* закрепляет сопряженность добра и зла. *Моральное сознание* переживает феномен сопряженности добра и зла как «этическую трагедию» (Бердяев)⁷ — *наука морали* мыслит связь добра и зла как формальный парадокс⁸. *Моральное сознание* устремляется к святости, а не честности⁹, к спасению, а не добродетели — *наука морали* утверждает, что святость и спасение недостижимы. Наконец, *моральное сознание* требует выхода «по ту сторону добра и зла» — *наука морали* утверждает, что наше сознание сковано моральным обручем (различением и оценкой)¹⁰.

Таким образом, первой предпосылкой проблемы оправдания морали выступает сомнение морального сознания, устремленного к идеалу, в моральном качестве морали, закрепляющей несовершенное состояние (зло).

Это сомнение актуализируется в рамках логики мысли Нового времени. Здесь идеал универсальной целокупности не может быть удостоверен. Как показывает Кант в учении об антиноми-

6. См. об этом: Капустин Б.Г. Зло и свобода. Рассуждения в связи с «Религией в пределах только разума» Иммануила Канта. М.: ВШЭ, 2016.

7. Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 34.

8. См. об этом: Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. С. 28.

9. См. известное суждение Константина Леонтьева: «русский человек может быть святым, но не может быть честным».

10. Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. С. 30.

ях чистого разума, при попытке помыслить идеи Бога, бессмертия и свободы познающий разум запутывается в противоречиях. Как следствие, моральное сознание упирается в тщетность своих надежд и стремлений.

2. Переживание угрозы морального нигилизма

Сомнения в моральном качестве морали звучат уже в первой половине XIX века (см. у Гоголя: «грусть от того, что не видишь добра в добре»¹¹). Затем они сменяются радикальными «мятежами против морали»: от мысли Ницше до «этики после Аушвица»¹², от «бунта» Ивана Карамазова до «уничтожения Девятой симфонии» героем Томаса Манна Адрианом Леверкюном. Современная культура отнесена Ницше и Хайдеггером к явлению европейского нигилизма, фундированному радикальной переоценкой (в том числе и моральных) ценностей¹³.

Как указывалось выше, «наука морали» утверждает, что последовательный моральный нигилизм невозможен. Однако отмеченное выше расхождение тождества бытия морали и мышления о морали делает его возможным.

Заметим, что мораль *не равна* морали в двух смыслах.

С одной стороны, мораль одной эпохи (культуры) отличается от морали другой эпохи (культуры), но в рамках универсальной идеи долга.

С другой стороны, моральное сознание, устремленное к идеалу, может дистанцировать себя от морали в любых ее культурно-исторических вариациях, т. е. допускать покушение на саму идею универсальности долга¹⁴.

Соответственно, «мятежи против морали» бывают двух видов. С одной стороны, они сопровождают и определяют всякий революционный процесс — «меняют материю исторической жизни, дают разных субъектов действия, по-своему перестраивают *наш*

11. Цит. по: Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. С. 33.

12. See: Haas P. J. (1988) *Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic*, pp. ix+257. Philadelphia: Fortress Press; Welzer, H. (2004) "Mass murder and moral code: some thoughts on an easily misunderstood subject", *History of the Human Sciences* 17(2/3): 15–32.

13. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–62.

14. Скоморохов А. В. Моральная универсальность и моральный нигилизм: о смыслах современной переоценки ценностей // Этическая мысль. 2020. Т. 20. С. 8.

мир» (Капустин)¹⁵. С другой стороны, они ведут к радикальному имморализму: к покусению на идею долга как таковую («все позволено»). И во всяком случае — «не проходят бесследно».

Таким образом, второй предпосылкой проблемы оправдания морали является защита морали от актов морального нигилизма (обесценивания).

Морально-теологический аргумент Иммануила Канта как способ оправдания морали

Зададимся вопросом: присутствует ли проблема оправдания морали (хотя бы и скрытом виде) в мысли Канта, теоретика морали Нового времени *par excellence*?

На первый взгляд, может показаться, что проблема оправдания морали мысли Канта чужда. На это указывают несколько обстоятельств.

Во-первых, как было показано ранее, необходимым условием постановки проблемы обоснования морали является взгляд на мораль из перспективы индивида. Между тем, разработка центральных понятий «метафизики нравственности» — долга, морального закона, категорического императива, доброй воли — осуществляется Кантом на уровне чистой философии морали.

Во-вторых, давая негативный, жесткий и однозначный ответ на все надежды и устремления морального сознания (человеку не достичь «чистоты намерений воли»¹⁶), Кант не проблематизирует сопряженность добра и зла. Соответственно, он не видит и потребности в оправдании морали.

В-третьих, Кант категорично отрицает нигилистическую угрозу, замечая, что «мятеж против морали невозможен»¹⁷.

Косвенно на отсутствие проблемы оправдания морали в мысли Канта указывают также внешние свидетельства. Так, «нигилист» Ницше замечает, что ранее философы морали (включая Канта) «обосновывали мораль», но не обращали внимание на «проблему самой морали»¹⁸.

15. Капустин Б. Г. Зло и свобода. С. 121.

16. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 410.

17. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 106.

18. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 307.

Однако, как мы полагаем, проблема обоснования морали не только присутствует в «этическом каноне» Канта, но и является его стержневой составляющей.

Так, уже во второй «Критике...», развивая учение о постулатах бытия Бога и бессмертия души, Кант формулирует ряд положений, которые не вписываются в логику его «этического канона».

В частности, Кант утверждает: «Моральный закон повелевает мне делать конечной целью всякого поведения высшее благо, возможное в мире»¹⁹. Тем самым рассуждение *переводится в перспективу индивида*, т. е. выполняется главное условие постановки проблемы оправдания морали.

Это условие, в свою очередь, задает (как и в рассмотренном выше общем случае) две предпосылки проблемы оправдания морали.

1. Переживание проблемы зла

Конфликт в морали — на основе переживания проблемы зла — выражен столкновением двух утверждений Канта:

а) высшее благо (необходимая цель морального сознания) предполагает полное соответствие личных убеждений с моральным законом (т. е. святость)²⁰;

б) моральный образ мыслей есть не святость, а «образ мыслей в борьбе»²¹.

Вместе взятые, утверждения фиксируют расхождение: цель морального сознания (как ее видит Кант) недостижима на путях морали (в Кантовом ее понимании); достижение цели (целостности, полноты добра) предполагает преодоление морали. Между реальностью этики (столкновением разума и инстинктов) и ее идеалом (гармонии, полноты и целостности) нет перехода.

Расхождение в морали порождает ряд сложных вопросов. Как функционирует (и функционирует ли) моральный закон, если поставленная им цель недостижима? Не становится ли категорическим императивом индивида, обнаружившего, что путь морали «не ведет к храму» (высшему благу), отрицание морали?

19. Кант И. Критика практического разума. С. 462.

20. Там же. С. 454.

21. Там же. С. 410.

2. Переживание угрозы нигилизма

На поставленные вопросы Кант отвечает со всей прямоотой и определенностью: в отсутствие сверхморальной перспективы (соединяющей «образ мыслей в борьбе» и «чистоту намерений воли») моральный закон *«совершенно лишается своей святости»*²². Этими словами, вопреки собственному положению о невозможности «мятежа против морали» (на уровне чистой философии морали), Кант допускает нигилистическую угрозу (из перспективы морального сознания).

Теодор Адорно реконструирует логику рассуждения Канта следующим образом: а) мир превратился бы в ад, если бы в нем не было единства разума с теми инстинктами, которые этот разум подавляет (в перспективе бесконечной борьбы со злом)²³, б) в неправильном (абсурдном) мире (в котором необходимые цели недостижимы) моральный закон неисполним, поскольку «в неправильной жизни не может быть жизни правильной»²⁴.

Таким образом, в рассуждении Канта мы обнаруживаем условие и предпосылки проблемы оправдания морали, выделенные нами выше:

(а) формула «добродетель есть... образ мыслей в борьбе» выражает априорную сопряженность добра и зла; указание на то, что высшее благо есть необходимый объект морально определенной воли, проблематизирует эту сопряженность из перспективы индивида;

(б) утверждение «моральный закон может лишиться святости» предполагает нигилистическую угрозу.

Решить проблему оправдания морали — значит соединить этическую реальность и этический идеал. Для этого Кант постулирует — в обход логики мысли Нового времени (и собственного неверия в Бога, в котором Кант признается²⁵) — *бессмертие души*, как перспективу возможного достижения единства убеждений с моральным законом, а также *бытие Бога* как гаранта вознаграждения «образа мыслей в борьбе» соответствующим счастьем.

22. Кант И. Критика практического разума. С. 454.

23. Адорно Т. Проблемы философии морали / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Республика, 2000. С. 82.

24. Там же. С. 3.

25. Kant, I., Forster, E. (ed.) (1993) *Opus Postumum*. 21: 51, p. 242. Cambridge: Cambridge University Press.

Таким образом, морально-теологический аргумент выступает как конструкт, который оправдывает мораль («образ мыслей в борьбе») перед лицом морального сознания, устремленного к высшему благу (необходимому объекту воли, определяемой моральным законом).

Кантовскую философию морали можно, таким образом, рассмотреть как *систему из двух частей* (соответствующих двум перспективам взгляда на мораль).

Рассуждая на уровне *чистой философии морали*, Кант закрепляет раздробленность человека. Как часть царства природы, человек подвержен чувственным склонностям. Как часть царства свободы, он «отбраковывает» склонности, которые не проходят мысленный эксперимент универсализации (заданный первой формулировкой категорического императива).

Рассуждая в *перспективе индивида*, Кант переживает разрыв между путем и целью (совершенствованием и совершенством), между моральными качествами и счастьем, и, используя религиозные постулаты, возвращает морали искомую целостность ее образа. Сопереживая боли морального субъекта, он строит оправдывающий мораль мостик, который соединяет этическую реальность и этический идеал.

«Основная» часть этической системы Канта создана теоретиком морали. Постулаты бессмертия души и бытия Бога словно созданы самим моральным сознанием, сопереживающим человеку и переживающим несправедливость миропорядка.

Оправдание морали: Кант и Лермонтов

В учении о постулатах часто усматривают непоследовательность Канта. Так, А.А. Гусейнов полагает, что, создав это учение, Кант «не удержался на высоте нравственного видения человека»²⁶. Предполагается, что постулаты выступают инструментом подкрепления моральной мотивации (нарушая тем самым принцип автономии). Их адресатом видится человек-«хромоножка»²⁷, неспособный поступать «из уважения к закону».

Однако рассмотрим проблему оправдания морали в перспективе индивида, а именно: в перспективе сильной и талантливой личности, думающего человека, гения. В качестве такого инди-

26. Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. С. 231.

27. Там же.

вида могут, например, быть взяты А.С. Пушкин или М.Ю. Лермонтов. К рассматриваемой проблематике ближе поэзия Лермонтова: она тесно связана — в отличие от «гармонизирующей» поэзии Пушкина — с переживанием антиномий человеческого бытия.

В одном из известных стихотворений Лермонтов восклицает:

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться...²⁸

Имея в виду выраженный в этом стихотворении богоборческий мотив, Вл. Соловьев позже упрекнет Лермонтова в предвосхищении ницшеанства²⁹. Канта, как правило, в предвосхищении ницшеанства не упрекают, но Лермонтов воспроизводит (вольно или невольно) размышления Канта: человек устремлен к тому, что «не должно свершиться», — к идеалу совершенства (святости воли); в душу человека вложены «неисполнимые желания» — в их числе соединение морали и счастья. В смежном по тематике стихотворении Лермонтов, обращаясь к Богу, иронически восклицает: *«И пусть меня осудит тот, // Кто избрал мои мученья»*, — словно предвосхищая упреки за собственные «мятежи против морали».

Лермонтов, впрочем, не ограничивается поэтической постановкой проблемы оправдания морали. Говоря про Бога, поэт также замечает:

Он не позволил бы искать в себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства не должно вечно было знать... —

то есть предлагает некоторое ее решение.

Постараемся реконструировать заложенный в этих строках смысл.

28. Лермонтов М.Ю. «Когда б в покорности незнания...» // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.: Л.: Academia, 1935–1937. Т. 1. Стихотворения, 1828–1835. 1936. С. 220.

29. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379.

Итак, по Лермонтову, а) путь совершенствования есть переходный процесс к «полному блаженству», которое нам «должно знать» (хотя бы и в вечности); б) в изначальном плане миропорядка «полное блаженство» должно быть предусмотрено как достижимое, поскольку в человеке заложено стремление к совершенству, в) гарантом достижимости «полного блаженства» является Бог.

Сопоставим эту мысль с положениями Канта.

Кант утверждает: «стремление к высшему благу... необходимо в силу уважения к моральному закону», из него «вытекает предположение об объективной реальности этого блага»³⁰, «высшее благо должно быть возможным», так как моральный закон требует от нас ему содействовать³¹; превосходное устройство мира Богом «ведет к тому, чтобы увенчать... прекрасный порядок соответствующим счастьем»³².

На основе сопоставления утверждений Канта и Лермонтова можно зафиксировать их тождественность. Совпадают, в частности:

а) представление о неразрывной связи метафизической устремленности к спасению, с одной стороны, и пути самосовершенствования — с другой;

б) презумпция разумности (целостности) мироустройства;

в) утверждение о Боге как гаранте неразрывной связанности мира.

Известно, что Лермонтов был знаком с философскими трудами Канта. Но случайны или намеренны данные смысловые «переклички»? В конечном итоге это не столь существенно. Важно, что стихотворение Лермонтова представляет собой поэтический образ проблемы, которая мучила Канта.

Обратим в этой связи внимание на два обстоятельства.

Во-первых, едва ли не дословная близость суждений представителей разных пластов культур и разных культурных традиций подтверждает объективную значимость проблемы оправдания морали. Оказывается, что в своем учении о постулатах Кант непоследователен ровно настолько, насколько он идет по следу проблемы морали (суть которой в том, что моральное сознание устремлено «к тому, что не должно свершиться»).

30. Кант И. Критика практического разума. С. 465.

31. Там же. С. 457.

32. Там же. С. 464.

Во-вторых, обнаруживается, что адресатом постулатов выступает вовсе не слабый человек. Вчитаемся в характеристику, данную Лермонтову Вл. Соловьевым: «прямой родоначальник “ницшеанства”», «носитель демонической злобы», захваченный демоном гордости борец с Богом³³. С оценками Соловьева можно спорить, как это делает Д. Мережковский³⁴, однако сложно спорить с тем, что Лермонтов несколько не похож на «человека-хромоножку». По оценке того же Мережковского, Лермонтов — единственный не смирившийся автор в русской литературе. Не созерцатель, а деятель.

Именно он — деятель и возможный духовный предшественник Ницше — переживает проблему оправдания морали и поэтически формулирует антиномии и постулаты практического разума. В точности по Канту он возвышает себя к закону, данному себе самому, — и как автономный моральный субъект (ищущий «в себе и в мире» совершенства) ставит себя на место архитектора миропорядка: судит мир, Бога и его закон. И — решением проблемы оправдания морали — ставит преграду на пути разворачивания нигилистического процесса.

Морально-теологический аргумент Канта в мысли Ницше и Достоевского

Зададимся вопросом: если Кант решил (при помощи постулатов) проблему оправдания морали, почему нигилистическая угроза реализуется уже в XIX в.? Какова логика перехода от решения проблемы морали Кантом — к ее не-решению (или принципиальной не-решаемости) в посткантовской мысли (Ницше и Достоевского)?

А. Постулат бытия Бога в этике Канта и бунт Ивана Карамазова

Как мы видели, Лермонтов, следом за Кантом, переходит от морального требования «полного блаженства» к положению о его возможности. По общему мнению философа и поэта, мы различаем добро и зло (а не живем в «покорности незнания»), поскольку в вечности «полное блаженство» *нам должно знать*.

33. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379.

34. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, коммент. Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ, 2002.

Однако уже герой Достоевского (Иван Карамазов) — в прямом споре с Кантом³⁵ — отвергает эту логику. Он задается тем же дерзким вопросом: «для чего познавать... добро и зло, если это столько стоит»³⁶ ? Но его ответ оказывается кардинально иным, чем у Канта и Лермонтова.

Тезису о возможности объяснения зла в перспективе будущей гармонии противопоставляется инверсный тезис: *никакой логикой* (т.е. никакими постулатами) невозможно объяснить (оправдать) страдание невинных существ. Из переживания антагонизмов эмпирии герой Достоевского приходит, в частности, не к постулату бытия Бога, а к отвержению созданного Богом мира. Пусть нам *должно знать* высшее благо в вечности, но гипотетическая гармония не оправдывает страдание здесь-и-сейчас. Я не отвергаю Бога, я мира, им созданного, не принимаю, — говорит Иван Карамазов. И отдает свой билет на вход в мировую гармонию (гарантированную морально-теологическим аргументом)³⁷. Моральная теология заменяется моральной атеологией (в границах кантовского тезиса о примате практического разума).

Так Достоевский прочерчивает четкую линию перехода: от этики автономного абсолютизма — через крах религиозных постулатов Канта — к моральному нигилизму.

Б. Постулаты Канта как последняя ступень нигилистического процесса

В «Воле-к-власти» Ницше классифицирует ступени (этапы) нигилизма (как исторического процесса обесценивания ценностей).

Первая ступень представляет собой «разочарование в цели становления», осознание «долгого расточения силы». В проекции на сферу морали это значит осознание расточения силы в бесконечной борьбе со склонностями. Борясь с собой, человек не может обрести святость воли и стать целостно добрым.

Вторая ступень означает, по мысли Ницше, потерю представления о связанности мирового Целого. В проекции на сферу морали это значит: необходимое требование морального сознания (высшее благо) может быть нереализуемо. Желания тогда останутся неисполнимы, а человек по-прежнему будет стремиться к тому, «что не должно свершиться».

35. См. об этом: *Голосовкер Я.Э.* Достоевский и Кант. М.: АН СССР, 1963.

36. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1957. Т. 9. С. 266–277.

37. Там же. С. 275.

На последней (третьей) ступени «остается еще лазейка... осудить весь этот мир становления как обман и изобрести мир, лежащий в качестве истинного мира по ту сторону этого». Однако, замечает Ницше, «как только человек распознает, что тот мир сложен только из психологических потребностей, сразу возникает последняя форма нигилизма, запрещающая себе веру в истинный мир. На этой ступени... человек запрещает себе всякий род уползания к запредельным мирам и ложным божествам — но не выносит этот мир, который уже не удастся отрицать...»³⁸. В проекции на сферу морали это значит: постулаты практического разума Канта есть *лазейка*, призванная в ситуации деонтологизации идеи Бога *оправдать* действительный мир, *изобретая* мир истинный. То есть та самая лазейка, от которой отказывается Иван Карамазов (в своем бунте).

Почему, впрочем, от использования «лазейки» не отказывается сам Кант? Ведь Кантом уже распознан искусственный характер «метафизического мира» (*изобретенного* им самим для решения определенной задачи), но при этом его отвержения, вопреки суждению Ницше («как только человек распознает, ... сразу возникает последняя форма нигилизма»), еще не происходит. В классификации Ницше мысль Канта можно было бы расположить не на третьей, а *почти что* на третьей ступени нигилизма: уже утрачено представление о гармонии Целого, уже сконструирован в качестве компенсации истинный мир, этот мир уже осознан как искусственный, но решающий шаг в нигилизм еще не сделан.

Как возможно такое «промежуточное состояние»?

Наиболее правдоподобным представляется объяснение Адорно, согласно которому Кант захвачен тем «невозможным и наивным оптимизмом... молодой буржуазии, ... согласно которому “все возможно, и если следует стремиться к осуществлению блага на земле, то тогда должна быть реальной и возможность достижения этого”»³⁹. Именно поэтому Кант не допускает и возможности того, что требование правильной жизни ведет к неразрешимым противоречиям. И, как следствие, не видит логической ошибки в собственном утверждении: мы должны пытаться содействовать высшему благу, которое *«поэтому должно быть воз-*

38. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. С. 34.

39. Адорно Т. Проблемы философии морали. С. 85.

можным»⁴⁰. В атмосфере времени, в котором сочиняется «Ода к радости», противоречия снимаются в синтезе, торжествует вера в то, что «все к лучшему в лучшем из миров», Кант не может предположить существование абсурдного, постулируя «превосходное устройство мира».

Таким образом, фундаментальная проблема решения проблемы оправдания морали Кантом заключается в том, что оно а) не вытекает, как было указано выше, из логики мысли Нового времени, основанной на принципе удостоверения всего сущего, б) играет по отношению к этой логике компенсаторную роль, в) является возможным в специфических — преходящих — исторических обстоятельствах (в условиях исторического оптимизма Нового времени). Соответственно, в терминах Ницше постулаты могут быть квалифицированы как «практически необходимая ложь». В новых исторических обстоятельствах XIX в., т. е. в процессе угасания исторического оптимизма Нового времени, в мысли Ницше и Достоевского проблема морали выводится на свет. Постулаты Канта больше не оправдывают мораль и не служат, таким образом, преградой на пути разворачивания нигилистического процесса.

Заключение

Анализ проблемы оправдания морали в этической системе Канта позволяет установить следующее.

1. Проблема оправдания морали порождена противоречием между метафизической устремленностью морального сознания к спасению и моралью, закрепляющей раздробленность и несовершенство.

2. Постулаты бытия Бога и бессмертия души в этической системе Канта — конструкция, решающая проблему оправдания морали. Задавая перспективу спасения (совершенства, высшего блага), постулаты тем самым защищают моральный закон от обесценивания.

3. Уязвимым местом Кантова решения является искусственный и прагматический характер религиозных постулатов (в условиях деонтологизации идеи Бога в мысли Нового времени). Эта уязвимость вскрывается Ницше и Достоевским.

Новизна данных выводов заключается, в частности, в установлении а) генетической связи этического абсолютизма Канта и мо-

40. Кант И. Критика практического разума. С. 457.

рального нигилизма Ницше (героев Достоевского), б) ключевого значения постулатов бытия Бога и бессмертия души в этической системе Канта.

В заключение заметим, что проблема вещи, открытая в свете определенной метафизики (определяющего принципа), необходимо становится проблемой этой метафизики (этого определяющего принципа). Это значит: проблема морали, открывшаяся в рамках логики мысли Нового времени, не может не стать проблемой данной логики. Решение проблемы оправдания морали и, соответственно, предотвращения нигилистической угрозы, требует, отсюда, не построения компенсаторных конструкций (подобных Кантовым постулатам), а поиска новых (эпохальных) оснований.

Библиография / References

- Адорно Т. Проблемы философии морали / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Республика, 2000. 239 с.
- Апресян Р.Г. Нормативная регуляция поведения // Человек. 2019. Т. № 1. С. 5–19.
- Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. 383 с.
- Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. М.: АН СССР, 1963.
- Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1957. Т. 9.
- Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965.
- Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
- Капустин Б.Г. Зло и свобода. Рассуждения в связи с «Религией в пределах только разума» Иммануила Канта. М.: ВШЭ, 2016.
- Лермонтов М.Ю. «Когда б в покорности незнания...» // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.: Л.: Academia, 1935–1937. Т. 1. Стихотворения, 1828–1835. 1936. С. 220.
- Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ, 2002. С. 348–387.
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
- Скоморохов А.В. Моральная универсальность и моральный нигилизм: о смыслах современной переоценки ценностей // Этическая мысль. 2020. Т. 20. С. 5–19.

- Соловьев В. С. *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991. С. 379–398.
- Хайдеггер М. *Европейский нигилизм // Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 41–62.
- Шестов Л. Сыновья и пасынки времени. Исторический жребий Спинозы // Бенедикт Спиноза: pro et contra / Вступ. статья, сост., коммент. А. Д. Майданского. СПб.: РХГА, 2012.
- Adorno, T. (2000) *Problemy filosofii morali* [The Problems of Moral Philosophy]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Apresian, R. (2019) “Normativnaia regulatsiia povedeniia” [“Normative Regulation of Behaviour”], in *Chelovek* 1: 5–19.
- Berdyayev, N. A. (1993) *O naznachanii cheloveka. Opyt paradoksa'noi etiki* [The Destiny of Man. An Essay in Paradoxical Ethics]. M.: Respublika.
- Dostoevskii, F. (1957) “Brat'ia Karamazovy” [The Karamazov Brothers], in Dostoevskii, F. M. *Sobranie sochinenii*. M.: Khudozhestvennaia literatura. T. 9.
- Golosovker, Y. (1963) *Dostoevsky i Kant* [Dostoevsky and Kant]. Moscow: USSR Academy of Sciences publ.
- Gusejnov, A. (2009) *Velikie proroki i mysliteli. Nравstvennye ucheniia ot Moiseia do nashikh dnei* [Great Prophets and Thinkers. Moral Doctrines from Moses to Present Times]. M.: Veche.
- Haas, P. J. (1988) *Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic*. Philadelphia: Fortress Press.
- Heidegger, M. (1993) “Evropeiskii nilizm” [European nihilism], in *Vremia i bytie: stat'i i vystupleniia: sbornik*, pp. 41– 62. M.: Respublika.
- Kant, I. (1965) “Kritika prakticheskogo razuma” [The Critique of Practical Reason], in Kant, I. *Sochineniia v 6 tt.* Vol. 4. Ch. 1. M.: Mysl'.
- Kant, I., Forster, E. (ed.) (1993) *Opus Postumum*. 21: 51. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I. (1980) “Religiia v predelakh tol'ko razuma” [Religion within the Boundaries of Mere Reason], in Kant, I. *Traktaty i pis'ma*. M.: Nauka.
- Kapustin, B. (2016) *Zlo i svoboda. Rassuzhdeniia v sviazi s “Religiei v predelakh tol'ko razuma” Immanuila Kanta* [Evil and Freedom. Reflections on Immanuel Kant’s “Religion within the Boundaries of Mere Reason”]. M.: HSE.
- Lermontov, M. Iu. (1936) “Kogda b v pokornosti neznan'ia...” [“When in obedience to ignorance ...”], in Lermontov M. Iu. *Polnoe sobranie sochinenii: V 5 t.*, p. 220. M.: L.: Academia. T. 1. Stikhotvoreniia, 1828–1835.
- Merezhkovskii, D. (2002) “M. Iu. Lermontov. Poët sverkhchelovechestva” [M. Lermontov. The Poet of Superhumanity], in M. Iu. Lermontov: pro et contra: sbornik, pp. 348–387. St. Petersburg.: RKhGI.
- Nietzsche, F. (1990) “Po tu storonu dobra i zla” [Beyond Good and Evil], in Nitsche, F. *Sochineniia v 2 t.* 2. M.: Mysl'.
- Nietzsche, F. (2005) *Volia k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostei* [Will-to-Power. An Attempted Transvaluation of All Values]. M.: Kul'turnaia revoliutsiia.
- Shestov, L. (2012) “Synov'ia i pasynki vremeni (Istoricheskii zhrebii Spinozy)” [Children and Stepchildren of Time. Spinoza in History], in *Benedikt Spinoza: pro et contra: sbornik*, pp. 475–498. St. Petersburg: RHGA. (In Russian)

- Skomorokhov, A. (2020) "Moral'naia universal'nost' i moral'nyi nihilizm: o smyslakh sovremennoi pereotsenki tsennosti" [Moral Universality and Moral Nihilism: on the Meanings of the Contemporary Revaluation of Values], *Eticheskaja mysl'* 2(20): 5–19.
- Solov'ev, V. (1991) *Filosofiia iskusstva i literaturnaia kritika* [The Philosophy of Art and Literary Criticism]. M.: Iskusstvo.
- Welzer, H. (2004) "Mass murder and moral code: some thoughts on an easily misunderstood subject", *History of the Human Sciences* 17(2/3): 15–32.
- Zupancic A. (2003) "The Subject of the Law", in S. Žizek (ed.) *Jacques Lacan: Critical Evaluations*. Vol. II. L.: Routledge.